

12+

Шаришские сказки

I

Иозеф Шурковски

Йозеф Шурковски
Шаришские сказки. Том I

«Издательские решения»

Шурковски Й.

Шаришские сказки. Том I / Й. Шурковски — «Издательские решения»,

«Шаришские сказки» — сборник оригинальных авторских сказок, вдохновлённых историей, легендами, природой и культурным наследием древнего Шариша. Каждая история соединяет реальные места с миром волшебства, раскрывая детям вечные ценности — честность, доброту, справедливость, трудолюбие, мужество и уважение к традициям. Книга не только увлекает, но и пробуждает интерес к истории родного края, учит видеть добро в повседневной жизни и верить в силу человеческого сердца.

© Шурковски Й.

© Издательские решения

Содержание

О пастухе из-под Шаришского замка	6
Заколдованная девушка из Торисы	14
Чёрный всадник из Чергова	21
О трёх колоколах Великого Шариша	30
Сокровище под Каменными воротами	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Шаришские сказки

Том I

Йозеф Шурковски

© Йозеф Шурковски, 2026

ISBN 978-5-0070-8969-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-8970-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О пастухе из-под Шаришского замка

Давным-давно, очень давно, когда по шаришским долинам ещё разносился звук пастушьих свирелей, а на высоком холме над краем стоял могучий Шаришский замок, жил в маленькой деревне под замком мальчик по имени Ондрей.

Ему было десять лет, глаза у него были ясные, как весенняя вода, а сердце такое доброе, что он поделился бы даже последней коркой хлеба. Он не был сыном господина или богатого купца. Его отец был пастухом, а мать ткала полотно, варила овечий суп, сушила травы и умела говорить так нежно, что даже заплаканный ребёнок рядом с ней забывал о своих слезах.

Их хижина стояла на краю деревни, там, где последние огороды соприкасались с лугами, а луга поднимались к лесу. Над всем этим возвышался Шаришский замок. Когда утром всходило солнце, его стены золотисто сияли. Когда приходила буря, замок стоял в облаках, словно каменный великан. А когда наступала ночь, казалось, будто он охраняет все деревни, поля, стада и человеческие мечты.

Ондрей любил его. Каждое утро, выгоняя овец на пастбище, он смотрел вверх и тихо приветствовал:

— Доброе утро, старый замок.

Однажды дедушка рассмеялся:

— Ты разговариваешь с этим замком, мальчик?

— Разговариваю, — серьёзно ответил Ондрей. — Ведь он нас охраняет.

Дед кивнул.

— Это правда. Но запомни: замок — это не просто камень. Замок — это память края. Он помнит королей, воинов, купцов, войны, пожары и даже детские песни в деревнях.

— А пастухов он тоже помнит? — спросил Ондрей.

— Прежде всего пастухов, — сказал дед. — Потому что пастух знает землю лучше любого господина. Он знает, где бьёт источник, где прячется косуля, где растёт хорошая трава и куда ночью ходить не следует.

Ондрей запомнил эти слова.

Каждый день он выходил с овцами на луга под замком. С ним были верный пёс Дунай, пастуший посох и сумка, в которую мать всегда клала ему хлеб, сыр, а иногда и кусок пирога. На лугах он садился на большой камень, играл на простой ивовой свирели и наблюдал за окрестностями.

Он видел повозки купцов, медленно двигавшиеся по дороге. Иногда они везли соль, иногда полотно, железные инструменты или бочки с мёдом. Издалека приходили люди, говорившие на разных языках, потому что Шариш был краем дорог, рынков и замков. Но для Ондрея самым важным был его маленький мир: стадо, луг, лес, ручей, замок и дом.

Но однажды летом пришла великая засуха.

Сначала никто не обращал на это особого внимания. Люди говорили:

— Ну, дождь ещё пойдёт.

Но дождя не было.

Трава начала желтеть. Ручей под деревней становился всё мельче. В колодцах уровень воды падал, и женщинам приходилось опускать ведра глубже, чем прежде. Овцы паслись беспокойно, потому что трава теряла сочность. Даже лес притих. Птицы пели меньше, а лисы подходили ближе к деревне, словно искали воду.

Ондрей заметил, что и дедушка задумался.

— Дедушка, что будет, если вода совсем исчезнет? — спросил он однажды вечером.

Старик сидел перед хижинкой, точил маленький нож и долго молчал.

— Вода никогда не исчезает просто так, — наконец сказал он. — Если она исчезает, значит, где-то было нарушено равновесие.

— Какое равновесие?

— Такое, которое человек не видит, пока не потеряет. Между лесом и полем. Между человеком и животным. Между замком и деревней. Между тем, что мы берём, и тем, что возвращаем.

Ондрей не совсем понял это, но чувствовал, что слова дедушки важны.

На следующий день он выгнал стадо выше, чем обычно. Он хотел найти свежую траву, которую ещё не выжгло солнце. Дунай бежал впереди, а овцы медленно поднимались за ним. Ондрей добрался до старого дуба, который рос на склоне замковой горы.

Это было необычное дерево. У него был толстый ствол, искривлённые ветви и такая широкая крона, что под ней могло отдохнуть целое стадо. Люди говорили, что дуб стоял там задолго до того, как на вершине выросли стены замка.

Ондрей сел под ним и откусил кусок хлеба. Вдруг он услышал тихий стон.

Он поднял голову.

— Кто здесь?

Никого.

Только листья вздрогнули, хотя ветра не было.

Через мгновение раздался голос:

— Не вода испытывает жажду, мальчик. Жажду испытывает земля.

Ондрей вскочил.

За дубом стоял старик. У него была седая борода, длинный плащ из грубого сукна и посох из орешника. Он выглядел бедно, но его глаза сияли так ярко, словно в них горели звёзды.

— Добрый день, — осторожно сказал Ондрей.

— Добрый день, пастух.

— Вы меня знаете?

— Я знаю тех, кто умеет слушать землю.

Ондрей не понял.

— Вы из замка?

Старик улыбнулся.

— Из замка и ещё до замка. Из леса и из родника. Из памяти этого края.

Мальчик отступил на шаг.

— Вы дух?

— Возможно. А возможно, просто старый человек, которого уже никто не слушает.

Ондрею стало стыдно за свой вопрос.

— Простите.

— Тебе не за что извиняться. Дети спрашивают потому, что хотят понимать. Взрослые часто не спрашивают, потому что думают, что уже всё знают.

Старик сел под дубом и рукой указал на окрестности.

— Видишь этот замок?

— Вижу.

— Видишь деревню?

— Вижу.

— Видишь леса?

— Вижу.

— А чего ты не видишь?

Ондрей задумался.

— Не знаю.

— Ты не видишь корни деревьев. Не видишь воду, скрытую под землёй. Не видишь страх животных. Не видишь человеческую гордыню, пока она не начинает вредить.

— Человеческая гордыня вредит воде?

— Иногда больше, чем засуха.

Ондрей сел рядом с ним.

— У нас пересыхают колодцы.

— Я знаю.

— Я могу как-нибудь помочь?

Старик долго смотрел на него.

— Можешь. Но это будет нелегко. Тебе придётся говорить правду даже тогда, когда над тобой будут смеяться. Тебе придётся помогать тем, кто тебя не понимает. И тебе придётся защищать даже тех, у кого нет человеческого голоса.

— Животных?

— И животных тоже. И деревья. И родники.

Затем старик достал маленькую свирель. Она была необычной. Вырезанная из тёмного дерева, гладкая, как речной камешек, а на боку у неё были знаки, напоминающие волны, листья и башню замка.

— Возьми её.

— Она волшебная?

— Волшебна она лишь настолько, насколько чисто сердце того, кто на ней играет.

Ондрей принял её с почтением.

— Когда мне следует её использовать?

— Когда люди перестанут слышать друг друга.

Мальчик хотел ещё что-то спросить, но в этот момент заблеяла овца. Он оглянулся на стадо. Когда снова посмотрел назад, старик исчез.

Под дубом остался только его след в пыли.

Вечером Ондрей рассказал обо всём дедушке.

Дед побледнел.

— Мальчик мой, ты встретил старого хранителя замковой горы.

— Он правда существует?

— В нашем крае существует много вещей, которые показываются не каждому. Говорили, что хранитель появляется только тогда, когда Шаришу грозит несчастье.

— И какое несчастье?

Дед посмотрел в сторону замка.

— Это скоро выяснится.

На третий день в деревню прибыли посланцы из замка. На площади они затрубили в рог и созвали людей. Пришли староста, пастухи, кузнец, мельник, женщины с детьми и старики, опирающиеся на посохи.

Посланец прочитал сообщение:

— В замке становится всё меньше воды. Господин замка приказывает найти новый источник и провести его воду в замковый резервуар. Замок должен быть обеспечен водой, потому что он защищает весь край.

Люди зашептались.

— Замок нас защищает.

— Если в замке не будет воды, что будет с нами?

Тогда вперёд вышел богатый купец по имени Микулаш. На нём был широкий меховой воротник, пальцы украшали кольца, а голос звучал как колокол, когда он хотел кого-то убедить.

— Я знаю источник в лесу под старым дубом, — сказал он. — Если провести его к замку, воды будет достаточно.

У Ондрея сжалось сердце.

— Но этот источник питает луга и ручьи, — возразил он.

Некоторые засмеялись.

— Послушайте его! Маленький пастух будет давать советы замку!

Купец посмотрел на него сверху вниз.

— Мальчик, когда вырастешь, поймёшь, что прежде всего нужно защищать замок.

Ондрей покраснел, но не отступил.

— А как же деревня? А животные? А лес?

— Лес справится, — сказал купец. — А животные пусть найдут другую воду.

Старый дедушка встал рядом с Ондреем.

— Неразумно забирать всю воду у одного места.

Но слова купца понравились тем, кто боялся за замок. А когда люди боятся, они часто слушают самого громкого, а не самого мудрого.

На следующий день мужчины начали рыть канаву. От источника под дубом они повели воду в сторону замка. Сначала казалось, что всё идёт хорошо. Замковые резервуары наполнялись. Купцы улыбались. Посланцы хвалили трудолюбие деревенских жителей.

Но под замком земля начала тихо страдать.

Ручей, у которого играли дети, превратился в грязь. На лугах, где Ондрей пас овец, трава пожелтела. В лесу высохли маленькие лужицы, куда приходили пить косули. Птицы улетели. Даже Дунай стал беспокойным и по ночам рычал в сторону леса.

Однажды вечером к хижине Ондрея пришла маленькая косуля. Она была слаба и едва держалась на ногах. Ондрей принёс ей миску воды из колодца. Косуля пила так жадно, что ему захотелось плакать.

— Видишь? — тихо сказал дедушка. — Земля начинает просить.

В ту ночь Ондрей не мог уснуть. Он достал свирель и положил её на ладонь. Она была тёплой, хотя в комнате было прохладно.

— Когда люди перестают слышать друг друга, — прошептал он.

Утром он решил пойти к старому дубу. Дорога была пыльной, а земля потрескавшейся. Когда он пришёл к источнику, то увидел, что вода течёт по вырытой канаве в сторону замка. Старое русло почти пересохло.

Под дубом стоял старик.

— Ты пришёл, — сказал он.

— Люди не хотят слушать.

— Потому что боятся.

— Как мне их убедить? Я всего лишь ребёнок.

— Ребёнок иногда видит то, что от взрослых скрывают заботы или гордыня.

— Но они смеются надо мной.

— Смех тех, кто не понимает, не сильнее правды.

Ондрей опустил голову.

— Что мне делать?

Старик указал на холм под замком.

— Завтра в полдень там соберутся люди. Купцы захотят отвести ещё больше воды. Приходи туда. Возьми свирель. Но не играй раньше, чем поймёшь, кому должен принадлежать первый звук.

— Кому?

— Это ты должен выяснить сам.

Ондрей уходил ещё более растерянным, чем прежде.

Весь день он размышлял. Кому должен принадлежать первый звук? Хозяину замка? Деревне? Овцам? Лесу? Источнику? Дедушке?

Вечером он сидел перед хижиной. Мать присела рядом с ним.

— Тебя что-то тревожит.

Ондрей кивнул.

— Я не знаю, кому должен принадлежать первый звук.

Мать не улыбнулась и не стала спрашивать, откуда у него такой странный вопрос.

Она лишь сказала:

— Если не знаешь, кому принадлежит первое слово, отдай его тому, кто страдает тише всех.

Ондрей всю ночь думал над её словами.

На следующий день под замком собралось множество людей. Пришли деревенские жители, замковые слуги, купцы и солдаты. Купец Микулаш стоял на возвышенном камне и говорил:

— Если мы отведём и второй источник, замок будет спасён. Кто защищает замок, тот защищает весь край!

Люди кивали, но на их лицах читалось беспокойство.

Ондрей вышел вперёд.

— Нет! — воскликнул он. — Если мы заберём всю воду, мы не спасём край. Мы лишь перенесём жажду с замка на деревню, с деревни на лес, а из леса — на животных.

Купец нахмурился.

— Опять ты, пастушок?

— У воды нет одного хозяина.

Люди зашумели.

— А кто ты такой, чтобы говорить это? — спросил купец.

У Ондрея дрожали руки. Потом он вспомнил слова матери: первое слово принадлежит тому, кто страдает тише всех.

Он достал свирель.

Он не заиграл в сторону замка.

Он не заиграл в сторону людей.

Он повернулся к высохшему лесу.

И сыграл для него первый звук.

Он был тихим, но разнёсся далеко. Он не был ни весёлым, ни печальным. Он был похож на зов воды под землёй, на шелест сухих листьев, на просьбу косули у пустой лужицы.

Потом он сыграл второй звук.

Он принадлежал животным.

Из леса донёсся треск ветвей. Люди замолчали. Из тени деревьев вышли олени, косули, лисы, зайцы и даже волки. Они не нападали. Не рычали. Они лишь встали на краю леса и смотрели на людей.

Ондрей сыграл третий звук.

Он принадлежал людям.

И тогда каждый в толпе почувствовал нечто странное. Одни вспомнили своё детство у ручья. Другие — колодец возле дома. Пастухи слышали в сердце блеяние мучимых жаждой овец. Матери представили пустые вёдра. Старики вспомнили времена, когда воду делили справедливо, потому что без неё не мог жить никто.

Наконец Ондрей сыграл четвёртый звук.

Он принадлежал замку.

Наверху, на стенах, затрепетали старые знамёна. Ветер пронёсся над башнями, и показалось, будто сам замок отвечает глубоким каменным вздохом.

Люди стояли словно зачарованные.

Потом вперёд вышел дедушка.

— Замок должен защищать нас, — сказал он. — Но и мы должны защищать землю, которая питает замок. Что станет с замком без деревень? Что станет с деревнями без воды? Что станет с водой без леса?

Староста снял шапку.

— Он прав.

Купец Микулаш ещё попытался возразить.

— Без воды замок падёт!

Тут заговорил замковый воин, стоявший неподалёку.

— А без людей некому будет защищать замок.

Это решило всё.

Люди принялись за работу. Они не уничтожили подвод воды к замку полностью, а разделили её разумно. Часть оставили течь в замковый резервуар, часть вернули в старое русло, а часть направили в деревенские колодцы. Под дубом они очистили источник, убрали камни, которые его душили, и поставили вокруг него невысокую деревянную ограду, чтобы никто не мог его загрязнить.

Они работали весь день.

Когда солнце садилось, источник уже журчал громче. Ручей ожил. Сначала совсем слабо, потом всё увереннее. Вода нашла путь по старому руслу, омыла камни и принесла жизнь иссохшей земле.

Животные ещё некоторое время стояли на краю леса.

Потом олени повернулись и исчезли среди деревьев. Лисы убежали. Зайцы скрылись в траве. Волки в последний раз посмотрели на Ондрея и тихо ушли.

В тот вечер никто в деревне не кричал и не спорил.

Люди сидели перед своими хижинами и слушали воду.

На третий день небо затянуло тучами. Над Черговым появились тёмные облака. Поднялся ветер и принёс запах дождя. Дети выбежали во двор и закричали:

— Дождь! Будет дождь!
Сначала упало несколько капель.
Потом ещё.

А затем начался такой сильный дождь, какого не помнили даже самые старые люди. Он лил на стены замка, на крыши хижин, на высохшие поля, на луга и леса. Земля жадно впитывала его, как ребёнок молоко. Колодцы наполнялись. Ручьи оживали. Трава начала зеленеть.

Ондрей стоял под дождём возле старого дуба и смеялся.

Он промок до нитки, но это его не беспокоило.

У дуба появился старик.

— Хорошо ты сыграл, пастух.

— Не я призвал дождь, — сказал Ондрей. — Люди лишь исправили то, что испортили. Старик кивнул.

— Именно поэтому и пришёл дождь. Земля отвечает тому, кто её слушает.

— Теперь вы уйдёте?

— Хранитель никогда не уходит совсем.

— Я ещё увижу вас?

— Возможно. Когда ты станешь старым и будешь учить других детей слушать ветер.

Ондрей улыбнулся.

— Я буду рассказывать им правду.

— Рассказывай её так, чтобы в ней было и сердце. Потому что правда без сердца тверда, как сухой камень.

Затем старик положил руку на ствол дуба и исчез в дождевой дымке.

Годы шли.

Ондрей вырос. Он стал уважаемым пастухом. Он знал луга под Шаришским замком лучше, чем кто-либо другой. Он умел предсказывать перемену погоды, знал, где нужно дать траве отдохнуть, где нельзя рубить деревья и где следует очистить источник.

Когда в деревне рождались дети, их родители однажды приводили их к старому дубу. Ондрей показывал им источник и говорил:

— Это не обычная вода. Это дар. А дар нельзя брать жадно.

С тех пор люди запомнили, что воду нужно делить справедливо. Когда приходило засушливое лето, никто больше не отводил весь источник только для себя. Сначала собирались старейшины, пастухи, земледельцы и люди из замка и договаривались, как распределить воду так, чтобы выжили все.

А купец Микулаш?

Он долго стыдился. Но однажды пришёл к Ондрею и принёс ему новую пастушью сумку из хорошей кожи.

— Я был гордым, — сказал он.

Ондрей принял сумку, но улыбнулся.

— Даже гордый человек может измениться, если услышит правильный звук.

С тех пор Микулаш отдавал часть своей прибыли на ремонт колодцев и мостиков. Люди говорили, что свирель изменила не только землю, но и его сердце.

Когда Ондрей состарился, он часто сидел на камне под замком. Дети собирались вокруг него и просили:

— Дедушка Ондрей, сыграй нам на волшебной свирели!

Он улыбался, доставал старую свирель и говорил:

— Она не для забавы. Она играет только тогда, когда нужно услышать то, что тихо.

— А что тихо? — спрашивали дети.

— Жаждающая земля. Уставшее дерево. Испуганное животное. И человек, который боится сказать правду.

Потом он рассказывал им историю о великой засухе, о старом хранителе, о воде, которая не должна принадлежать только одному, и о том, что даже маленький пастух может спасти большой край, если у него есть смелость и доброе сердце.

И говорят, что до сих пор, когда под Шаришским замком поднимается вечерний ветер и проходит над лугами, в нём можно услышать тихий голос свирели.

Он не громкий.

Он не гордый.

Он нежный, как источник под старым дубом.

Он напоминает людям, что земля — не собственность, а дом. Что замок силён только тогда, когда под ним живут добрые люди. И что величайшее сокровище Шариша — не золото, спрятанное в замковых подвалах, а вода, лес, луг, стадо, честный труд и сердце, умеющее слушать.

Поэтому старые пастухи под замком ещё долго говорили:

— Кто хочет пасти овец, должен сначала беречь землю. А кто хочет беречь землю, должен научиться слушать.

Так закончилась история об Ондрее, пастухе из-под Шаришского замка, который был ещё ребёнком, когда понял мудрость, более древнюю, чем замковые стены: человек велик не тем, сколько он возьмёт, а тем, что сумеет сохранить для других.

Заколдованная девушка из Торисы

Давным-давно, когда по шаришским дорогам раздавался скрип деревянных повозок, когда купцы перевозили соль, полотно, мёд и железо между замками, городками и деревнями, а река Ториса текла по этой земле чистая, как стекло, в маленькой деревне на её берегу жил мальчик по имени Мартин.

Ему было десять лет. У него были каштановые волосы, живые глаза и душа, любопытная, словно птица, которая только учится летать. Его отец был рыбаком, а мать заботилась о доме, огороде и двух младших сёстрах. Они не были богаты, но в их маленькой избушке никогда не не хватало хлеба, доброго слова и вечерней песни. Когда день клонился к концу, вся семья собиралась у печи, а дед рассказывал истории о Шаришском замке, о купцах из Бардеёва, о лесах Чергова, о волках, разбойниках и о тайнах, которые, как говорили, скрывались в реках.

Из всех историй Мартин больше всего любил те, что были о Торисе.

— Река — это не просто вода, — часто говорил дед. — Река помнит. Всё, что человек забудет, вода унесёт, но не потеряет. Она лишь спрячет это глубоко в своём журчании.

Мартин верил этим словам. Он часто сидел на берегу Торисы, смотрел на её гладь и прислушивался к её голосу. Иногда ему казалось, что река действительно говорит. Не человеческими словами, а тихим шёпотом, который способен понять только тот, кто умеет терпеливо слушать.

Однажды летним вечером, когда солнце клонилось за шаришские холмы, а вода сияла, словно расплавленное золото, отец послал Мартина проверить сети. Мальчик шёл вдоль берега, его босые ноги утопали в мягкой земле, а над головой кружили ласточки. У старой ивы, склонившейся над водой, он остановился.

И тут он увидел её.

На другом берегу стояла девушка в белом платье. У неё были длинные светлые волосы, спадавшие до самой талии, а лицо было таким бледным, словно его озарял лунный свет. Она не двигалась. Лишь смотрела на реку.

Сначала Мартин подумал, что это девушка из какой-нибудь дальней деревни.

— Эй! — крикнул он. — Ты заблудилась?

Девушка подняла голову.

Их взгляды встретились.

По спине Мартина пробежал странный холод. Её глаза были необыкновенными. Глубокими и печальными, словно в них скрывались сто зим и сто вёсен.

— Кто ты? — громче спросил Мартин.

Девушка не ответила. Она лишь медленно протянула руку к воде. Поверхность реки покрылась рябью, хотя ветра не было. Затем она указала вверх по течению, в сторону тёмного леса, поднимавшегося среди холмов.

Мартин бросился к броду, через который можно было перейти на другой берег. Вода плескалась вокруг его щиколоток, но, когда он добежал до старой ивы, девушки там уже не было.

Она исчезла.

На влажной земле не осталось никаких следов.

Вечером за столом Мартин был необычно молчалив. Мать заметила, что он едва съел суп.

— Что с тобой случилось? — спросила она.

— Ничего, — пробормотал он.

Дед посмотрел на него из-под густых бровей.

— Сегодня река что-то тебе показала, не так ли?

Мартин поднял глаза.

— Дедушка, ты знаешь девушку, которая приходит к Торисе в белом платье?

В избушке воцарилась тишина.

Отец перестал резать хлеб. Мать перекрестилась. Дед медленно положил ложку на стол.

— Где ты её видел?

— У старой ивы.

— У неё были светлые волосы?

— Да.

— И она не говорила?

Мартин кивнул.

Дед тяжело вздохнул.

— Значит, ты видел заколдованную девушку из Торисы.

Глаза Мартина широко раскрылись.

— Неужели это не просто сказка?

— У каждой сказки есть корни в том, что когда-то произошло, — сказал дед. — А эта история стара, как камни у реки.

Дети придвинулись ближе к печи, и Мартин попросил:

— Расскажи её.

Дед задумчиво посмотрел на пламя.

— Давным-давно у Торисы стояла небольшая каменная крепость. Она была не такой большой, как Шаришский замок, но у неё были крепкие стены и высокая башня. В ней жил господин Грегор — гордый и богатый человек. У него была единственная дочь Елена. Она была красивой, но не гордой. Елена часто ходила к людям, приносила целебные травы больным, давала хлеб голодным и больше всего любила сидеть у Торисы. Она говорила, что река справедливее людей, потому что даёт пить и богатому, и бедному.

— Она была доброй, — прошептал Мартин.

— Была, — кивнул дед. — Но её отец хотел выдать её замуж за богатого дворянина по имени Вавринец. У него были стада, серебро и гордыня, превосходившая величиной весь замок. Елена отказала ему, потому что её сердце принадлежало молодому сокольничему Юраю. Юрай не был богат, но был смелым и честным.

— И что произошло?

— Вавринец не смог смириться с отказом. Он отправился в глухой лес к старой женщине, о которой говорили, что она владеет тёмными чарами. Он дал ей серебро и попросил отомстить. И вот однажды ночью, когда Елена должна была встретиться с Юраем у Торисы, над рекой опустился туман. Елена исчезла, и с тех пор её больше никто не видел живой.

— Она умерла? — тихо спросил Мартин.

— Не совсем. Люди говорили, что проклятие привязало её к реке. Она не могла уйти, не могла говорить и могла являться только тому, у кого было чистое сердце и кто не боялся помочь чужому горю.

Мартин долго молчал.

— Её можно освободить?

Дед серьёзно посмотрел на него.

— Легенда говорит, что можно. Но никто не знает как. Говорят, нужно найти источник, из которого Ториса когда-то приняла первую слезу невинной души.

— Источник вверх по течению, — сказал Мартин.

Дед сразу стал серьёзным.

— Она показала тебе направление?

— Да.

Мать тут же покачала головой.

— В лес ты не пойдёшь.

— Но ей нужна помощь.

— Ты ещё ребёнок.

— Может быть, именно поэтому она и позвала меня, — ответил Мартин.

Отец молчал. Потом положил руку сыну на плечо.

— Если ты пойдёшь, то не без благословения и не без рассудка. Утром я провожу тебя до первого брода. Дальше ты сам найдёшь дорогу вдоль реки. Но если начнёт темнеть, сразу возвращайся.

Дед снял со стены небольшой деревянный крестик.

— Возьми его. Не для того, чтобы не бояться, а чтобы помнить: смелость без добра — всего лишь безрассудство.

На следующий день на рассвете Мартин отправился вверх по течению Торисы. Отец проводил его до брода, а затем вернулся к работе. Дальше Мартин пошёл один. С собой у него была сумка с хлебом, кусочком сыра, яблоком и маленьким ножом. На шее висел дедов крестик.

Река вела его, словно серебряная дорога. Сначала он шёл вдоль лугов, где женщины собирали сено, а мужчины чинили изгороди. Потом местность начала меняться. Луга уступили место кустарникам, кустарники — лесу. Деревья становились всё выше, а их кроны смыкались над тропинкой, образуя зелёный свод.

В полдень Мартин сел на камень и стал есть хлеб. Вдруг он заметил ворона. Тот сидел на ветке над ним и смотрел ему прямо в глаза.

— Ты следишь за мной? — спросил Мартин.

Ворон каркнул, перелетел на другое дерево и снова оглянулся.

— Мне идти за тобой?

Птица словно кивнула.

Мартин последовал за ней. Ворон вёл его всё глубже в лес, но никогда не улетал так далеко, чтобы Мартин потерял его из виду. Тропа постепенно исчезла, земля стала влажной, а среди корней начали попадаться старые камни, поросшие мхом.

Наконец они вышли на поляну.

Посреди неё бил родник.

Он был совсем маленьким, но вода в нём была такой прозрачной, что казалось, будто она вытекает из самого света. Над родником стояла невысокая каменная плита. На ней были высечены три знака: сердце, река и звезда.

Мартин опустился на колени.

Поверхность воды дрогнула.

В роднике появилось лицо Елены. Её губы шевельнулись, но не издали ни звука. Из её глаз скатилась одна слеза и слилась с водой.

В этот момент из-за деревьев раздался хриплый голос:

— Не прикасайся к этому роднику, мальчик.

Мартин резко обернулся.

На краю поляны стояла старая женщина. Она была сгорбленной, опиралась на посох, а на плечах у неё был чёрный плащ. Её глаза были острыми, как шипы.

— Кто вы? — спросил Мартин.

— Та, которая знает то, чего детям знать не следует.

— Вы заколдовали Елену?

Старая женщина рассмеялась. Её смех был сухим, словно треск сломанных веток.

— Я? Люди всегда ищут ведьму, когда не хотят видеть собственной вины. Проклятие принесли не чары, а гордыня, гнев и несправедливость.

— Но вы помогли Вавринцу.

Женщина замолчала.

— Да. И с тех пор я охраняю этот родник. Не по своей воле, а в наказание.

Мартин внимательно смотрел на неё.

— Можно освободить Елену?

— Можно. Но не силой.

— Как?

— Ты должен найти три вещи, которые отняло проклятие: голос правды, слезу прощения и свет верности.

Мартин повторил эти слова про себя, чтобы не забыть.

— Где мне их найти?

— Первое — у того, кто солгал. Второе — у того, кто ненавидел. Третье — у того, кто ждал.

— Я этого не понимаю.

— И не должен. Дорога сама тебя научит.

Старая женщина указала посохом на старый камень у родника.

— Под ним лежит серебряное кольцо Елены. Возьми его. Оно покажет тебе, где искать.

Мартин отодвинул небольшой камень и действительно нашёл кольцо. Оно было простым, но в его центре сверкал голубой камешек, похожий на каплю Торисы.

Когда он положил кольцо в карман, поляна содрогнулась. Поднялся ветер, а старая женщина исчезла среди деревьев.

Мартин направился обратно к реке. Но дорога уже не была прежней. Казалось, лес изменился. Деревья стояли гуще, тени стали длиннее, а шёпот листвы напоминал слова: **голос правды, слеза прощения, свет верности.**

Когда он подошёл к старым развалинам на берегу, кольцо в кармане стало тёплым.

Перед ним появился мужчина. Он был прозрачным, словно утренний туман. На нём был дорогой плащ, а лицо было бледным от страха.

— Кто ты? — спросил Мартин.

— Я слуга господина Грегора, — прошептал призрак. — Это я тогда солгал.

— Как?

— Когда Елена исчезла, я сказал, что видел, как Юрай увёл её. Это была неправда. Вавринец заплатил мне.

Мартин почувствовал гнев, но вспомнил дедов крестик.

— Почему ты так поступил?

— Я боялся бедности. Боялся Вавринца. А потом всю жизнь сожалел об этом.

— Как мне получить голос правды?

Призрак опустил голову.

— Произнеси вслух то, что я тогда утаил.

Мартин поднялся на камень у реки и громко сказал:

— Юрай не похищал Елену! Она стала жертвой лжи и гордыни!

В тот же миг над водой раздался чистый звон, словно зазвенел маленький колокол. Из уст призрака вылетел огонёк и опустился в кольцо Елены.

— Голос правды теперь твой, — сказал призрак и растворился.

Мартин пошёл дальше.

Солнце уже клонилось к закату, когда он дошёл до места, где Ториса образовывала глубокий омут. Вода там была тёмной и спокойной. Кольцо снова стало тёплым.

Из тени вышел мужчина в богато украшенной одежде. Это был Вавринец. Он уже не выглядел гордым. Его лицо было усталым, а глаза были полны печали.

— Ты пришёл за слезой прощения, — сказал он.

Мартин кивнул.

— Почему ты её заколдовал?

— Потому что я думал: если она не может быть моей, значит, не должна принадлежать никому. Это и есть самая страшная гордыня. Я считал, что любовь — это обладание. Но любовь — это свобода.

— Ты сожалеешь?

— Уже целые века.

— А Елена простила тебя?

Вавринец горько улыбнулся.

— Не знаю. Но я так и не смог простить самого себя.

Мартин некоторое время молчал.

Потом сказал:

— Если ты действительно раскаиваешься, ты должен желать ей свободы, а не собственного искупления.

Губы Вавринца дрогнули. Из его глаза скатилась одна слеза. Она была необычной. Она сияла, словно серебро.

Мартин поймал её в маленькую деревянную ложечку, которую носил в кармане.

Вавринец опустился на колени.

— Пусть она будет свободна, — прошептал он.

Слеза превратилась во второй огонёк и вошла в кольцо.

Мартин понял, что у него уже есть две из трёх вещей.

Оставался свет верности.

Уже наступила ночь, когда он вернулся к старой иве, где впервые увидел Елену. Луна освещала гладь Торисы, а река текла тихо, словно чего-то ожидала.

На берегу сидел мужчина с соколом на плече. Он был прозрачным, но его глаза были живыми и полными надежды.

— Юрай, — сказал Мартин.

Мужчина кивнул.

— Я ждал долго.

— Целые столетия?

— Тот, кто любит верно, не измеряет время так, как остальные.

— У тебя есть свет верности?

Юрай погладил сокола.

— Он не у меня в руках. Я носил его в своём сердце. Каждую ночь я приходил к реке и звал Елену. Она никогда не отвечала, но я не переставал.

— Как мне получить его?

— Ты должен сделать то, чего не смог сделать я. Перейти реку в тот час, когда вода расступится, и положить кольцо на камень под старой ивой.

Мартин посмотрел на Торису. Река была глубокой.

— А если река не расступится?

Юрай посмотрел на него.

— Она расступится только перед тем, кто не боится не за себя, а за другого.

Сердце Мартина забилось сильнее. Ему было страшно. Очень страшно. Но он вспомнил печальные глаза Елены. Вспомнил слова деда о том, что смелость без добра — всего лишь безрассудство. А он не хотел быть безрассудным. Он хотел помочь.

Мартин взял кольцо, крепко сжал крестик на шее и вошёл в реку.

Вода была ледяной.

Сначала она доходила ему до щиколоток, потом до колен, затем до пояса. Течение тянуло его, но он продолжал идти вперёд. И вдруг в кольце засияли два огонька: голос правды и слеза прощения. Вода перед ним расступилась, образовав узкую дорожку из сверкающих камешков.

Мартин перешёл на другой берег.

Под старой ивой лежал плоский камень. Он положил на него кольцо.

Юрай поднял руки к небу.

— Елена! — воскликнул он.

Над рекой поднялся туман. Сначала густой и серый, затем серебристый. В его середине появилась девушка Елена. Она была прекрасна, словно первый снег на лугах, но её лицо уже не было таким печальным.

Кольцо на камне засияло. Из него поднялись три света. Первый прозвучал, как слово истины. Второй сверкнул, как прощённая слеза. Третий вышел из сердца Юрая, словно тёплое пламя.

Елена впервые заговорила.

— Спасибо.

Её голос был тихим, но Ториса разнесла его по всей долине.

В тот же миг древнее проклятие было разрушено. Туман рассеялся. Вода стала светлой. На берегах расцвели белые цветы, хотя не было весеннего утра. Ворон на иве каркнул и превратился в белого голубя.

Юрай подошёл к Елене.

— Я ждал, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она.

Они взялись за руки, и их фигуры начали превращаться в свет. Это не было печально. Это было похоже на восход солнца после долгой ночи.

Прежде чем исчезнуть, Елена повернулась к Мартину.

— Скажи людям, что река помнит правду. И что никакая гордыня не сильнее доброго сердца.

После этого они вместе с Юраем исчезли в лунном свете.

Мартин остался стоять под ивой. Он был уставшим, промокшим и голодным, но в сердце чувствовал покой. Когда он вернулся домой, уже рассветало. Мать крепко обняла его, словно больше никогда не хотела отпускать. Отец молча кивнул, а дед улыбнулся.

— Значит, она освобождена?

Мартин кивнул.

— Да.

С того дня у старой ивы больше не появлялась печальная девушка в белом платье. Но люди говорили, что в ясные ночи, когда Ториса спокойна, на её глади можно увидеть два огонька, плывущие рядом друг с другом, словно две верные души.

Мартин вырос и стал мудрым рыбаком. Он никогда не ловил больше рыбы, чем ему было нужно. Никогда не загрязнял воду. И каждого ребёнка учил тому, что реку нужно слушать, потому что вода несёт не только жизнь, но и память родного края.

Когда его спрашивали о заколдованной девушке из Торисы, он рассказывал всю эту историю.

О Елене, у которой было доброе сердце.

О Юрае, который верно ждал.

О Вавринце, чья гордыня принесла несчастье.

О слуге, который солгал, но в конце концов правда восторжествовала.

И о том, что даже ребёнок может исправить старую несправедливость, если не боится идти за тем, что правильно.

И поэтому в шаришских деревнях у Торисы ещё долго говорили:

— Не насмехайся над тихим голосом воды. Возможно, она рассказывает тебе историю, которую тебе нужно услышать.

Потому что вода течёт, камни молчат, леса шумят, но правда всегда найдёт себе дорогу.

Так же, как её нашла заколдованная девушка из Торисы.

Чёрный всадник из Чергова

Давным-давно, когда по шаришским долинам ещё разносилось пение пастухов, когда по вечерам в деревнях загорались маленькие окна избушек, а над краем возвышались тёмные леса Чергова, люди рассказывали одну необычную легенду.

Это была не та легенда, над которой смеются дети и согласно кивают старики. Это была легенда, после которой в доме воцарялась тишина, пламя в печи словно начинало гореть тише, а ветер за окном звучал как-то непривычно.

Это была легенда о Чёрном всаднике из Чергова.

Говорили, что когда над горами собирались грозовые тучи, когда деревья в лесах гнулись, словно трава, и по горным хребтам раскатывался гром, тогда на старой дороге среди буков появлялся всадник на чёрном коне.

Он никогда не приходил в солнечный день.

Никогда не появлялся ни на рынке, ни у церкви.

Он приходил только во время грозы.

Говорили, что его конь был большим, сильным и чёрным, как ночь без звёзд. Из-под его копыт не разлеталась грязь, словно он вовсе не касался земли. На всаднике был длинный тёмный плащ, капюшон, надвинутый на лоб, а лицо скрывалось в тени. Когда он проезжал мимо человека, говорили, не было слышно дыхания коня — только холодный порыв ветра и далёкий звон шпоры.

Люди боялись его.

В деревнях у подножия Чергова матери закрывали ставни, когда приближалась гроза. Пастухи загоняли стада в загоны раньше обычного. Купцы не осмеливались продолжать путь по лесной дороге, хотя из-за этого теряли целый день. Старики говорили:

— Где появляется Чёрный всадник, там напоминает о себе старая несправедливость.

Но дети слышали прежде всего только первые слова.

Чёрный всадник.

И этого было достаточно, чтобы они боялись смотреть в тёмный лес.

В одной деревушке у подножия Чергова жил мальчик по имени Адам. Ему было одиннадцать лет. У него был веснушчатый нос, растрёпанные волосы и глаза, полные вопросов. Его отец был дровосеком и знал лес лучше, чем дорогу в город. Мать пекла хлеб, который пах так чудесно, что у её печи останавливались даже соседи, хотя уверяли, что просто проходили мимо. У Адама были ещё две младшие сестры и дедушка, который уже не мог ходить далеко, но память у него была крепкой, как крепостная стена.

Дедушку звали Ондрей. По вечерам он сидел у печи, чинил старые ремни, вырезал детям свирели и рассказывал им истории. Он знал легенды о Шаришском замке, о разбойниках, скрывавшихся в горах, о купцах из Бардеёва, возивших дорогие ткани и соль, а также о тайных тропах, которые вели через Чергов к польской стороне.

Однажды вечером на улице шёл дождь. Капли барабанили по крыше, ветер бился в двери, а в дымоходе гудело так, словно там прятался лесной дух. Адам сидел у печи и долго молчал. Наконец он спросил:

— Дедушка, ты когда-нибудь видел Чёрного всадника?

Мать строго посмотрела на него.

— О таких вещах перед сном не говорят.

Но дедушка не испугался. Он положил нож, которым вырезал свирель, и посмотрел в огонь.

— Видел, — тихо сказал он.

Сёстры Адама прижались друг к другу.

— Правда? — прошептал Адам.

— Правда.

— И он был страшным?

Дед долго не отвечал. За окном прогремел гром. Потом он сказал:

— Нет. Страшным он не был. Он был печальным.

Адам ничего не понял.

— Но ведь все говорят, что он приносит несчастье.

— Люди часто говорят, что кто-то приносит несчастье, когда боятся правды, которую он несёт.

— А какую правду он несёт?

Дед серьёзно посмотрел на него.

— Это вопрос, на который долгое время никто не осмеливался искать ответ.

С этого момента Адам уже не мог думать ни о чём другом.

На следующий день он помогал отцу рубить дрова, но топор всё время уходил в сторону, потому что мысленно он видел тёмного всадника на горном хребте. Когда он нёс матери воду из колодца, то забыл полное ведро у забора. Когда должен был присматривать за сёстрами, обнаружил, что вместо этого следит за тёмными тучами над лесом.

— Сегодня ты сам не свой, — сказала мать.

Адам покраснел.

— Просто думаю.

— О чём?

— О том, может ли человек считаться злым, если он всего лишь печален.

Мать тяжело вздохнула.

— Это трудный вопрос даже для взрослого.

После полудня Адам отправился к часовне на опушке леса. Она стояла у старой дороги, по которой когда-то ходили купцы. Часовня была маленькой, белой и немного обветшалой. За ней начиналась тропа, ведущая в Чергов.

Возле часовни жил отшельник Матей. Он не был настоящим монахом, скорее стариком, который решил жить рядом с лесом и подальше от ненужных ссор. Он собирал травы, помогал больным и умел читать старинные рукописи, что в те времена было большой редкостью.

Адам застал его за сушкой чабреца.

— Добрый день, — поздоровался он.

— Добрый день, Адам. Что привело тебя?

— Я хочу спросить о Чёрном всаднике.

Отшельник не засмеялся. И не перекрестился. Он лишь медленно отложил травы.

— Значит, эта легенда сама нашла тебя.

— Дедушка говорил, что всадник не страшный, а печальный.

— У твоего дедушки хорошая память.

— Вы знаете, кто он?

Отшельник посмотрел на тёмный лес.

— Я знаю, о чём говорили раньше, ещё до того, как эта история превратилась в страшилку для детей.

Адам сел на камень.

— Расскажите мне.

Отшельник некоторое время молчал.

— Много лет назад, когда через Чергов ещё часто проходили купеческие обозы, жил рыцарь по имени Радован. Он не был хозяином большого замка, не обладал богатством и не имел множества слуг. Но у него были честь, отважное сердце и чёрный конь по кличке Враник.

— Чёрный конь, — повторил Адам.

— Да. Радован охранял горные дороги. Купцы доверяли ему, потому что он никогда не требовал больше, чем ему полагалось. Когда на дороге появлялись разбойники, он вставал перед обозами. Когда кто-нибудь сбивался с пути в тумане, он выводил его обратно. Когда зимой повозка застревала в снегу, он помогал её вытащить.

— Значит, он был добрым.

— Был, — сказал отшельник. — И именно поэтому у него были враги.

— Почему?

— Потому что честный человек мешает нечестным.

Адам насторожился.

Отшельник продолжил:

— В то время через Чергов ехал богатый купец по имени Бартоломей. Он вёз сундук с серебром, дорогие ткани и грамоту с печатью, подтверждавшую, что часть прибыли должна быть передана на ремонт мостов и колодцев в шаришских деревнях.

— Это было хорошее дело.

— Да. Но вместе с купцом ехал его управляющий Грегор. У него было жадное и жестокое сердце. Он мечтал завладеть серебром и грамотой, потому что, если бы она исчезла, никто не узнал бы, что часть денег принадлежала деревням.

— И что он сделал?

Отшельник нахмурился.

— Во время грозы в горах он убил купца, спрятал серебро и обвинил Радована. Он утверждал, что рыцарь предал свой долг, напал на купца и скрылся в лесу.

— Но это же неправда!

— Неправда. Но Грегор плакал перед людьми, показывал разорванный плащ и клялся, что видел всё собственными глазами. Люди испугались. Им хотелось поскорее найти виновного. А когда человек спешит судить, он часто перестаёт слушать.

Адам почувствовал, как у него запылали щёки.

— Что случилось с Радованом?

— Он ушёл в горы, чтобы найти доказательство своей невиновности. Говорят, во время последней грозы он вернулся на место предательства, но из гор уже не вернулся. Одни говорили, что он погиб. Другие — что его душа осталась скакать по Чергову, пока правда не будет найдена.

— Поэтому он и появляется.

— Да.

Адам посмотрел на лес.

— Где это произошло?

Отшельник немного помедлил.

— На старой купеческой дороге под горой, где теперь растёт кривой бук. Но дети туда не ходят.

— Я уже не маленький ребёнок.

— Именно поэтому я скажу тебе ещё кое-что. Смелость — это не то же самое, что любопытство. Если ты идёшь за правдой, ты должен знать, что правда может причинить боль.

Адам кивнул, хотя не был уверен, что до конца понял эти слова.

В тот вечер над Черговом снова сгустились тучи.

Сначала серые, потом фиолетовые, а затем совсем чёрные. Ветер поднялся с такой силой, что раскачал старые яблони у изб. Куры попрятались, собаки начали лаять, а люди поспешно закрывали ворота.

Адам стоял у окна.

Отец как раз прислонил топор к стене.

— Будет сильная гроза.

Мать подкладывала дрова в печь.

— Пусть все будут дома.

И вдруг на вершине холма сверкнула молния.

На мгновение весь горный хребет озарился белым светом.

И Адам увидел его.

Всадника.

Он стоял высоко над деревней, на опушке леса. Чёрный конь поднял голову, а его грива развевалась на ветру. Всадник не двигался. Но Адаму показалось, что он смотрит прямо на него.

Сердце мальчика забилося сильнее.

Он и сам не понимал почему, но чувствовал не только страх. Он чувствовал и зов. Словно кто-то тихо просил его:

Найди меня.

Адам не выдержал. Он надел старый плащ, повесил на шею деревянный крестик, который когда-то вырезал для него дедушка, и открыл дверь.

— Куда ты идёшь? — воскликнула мать.

— Только к часовне!

— В такую грозу?

Отец шагнул к нему, но в этот момент грянул такой сильный гром, что вся изба содрогнулась. Адам выбежал под дождь.

Он бежал через деревню, мимо закрытых дверей и тёмных заборов. Грязь брызгала ему на ноги, дождь хлестал по лицу, но он продолжал идти. У часовни он остановился и стал искать взглядом тропу.

Молния снова озарила небо.

Всадник стоял немного выше.

Адам пошёл за ним.

Дорога в лес была скользкой. Ветки качались, листья шумели, вода стекала по камням. Мальчик несколько раз поскользнулся, но каждый раз поднимался. Когда силы уже были на исходе, он увидел между деревьями чёрного коня.

А потом оказался перед ним.

Чёрный всадник был настоящим.

Не как тень.

Не как вымысел.

Он стоял высокий и молчаливый, в длинном тёмном плаще. Конь дышал, но пар из его ноздрей превращался в серебристый туман.

— Почему ты пришёл? — спросил всадник.

Его голос звучал глухо и отдалённо, словно доносился сквозь многие годы.

Адам сглотнул.

— Я хочу узнать правду.

— Правда — не игра для детей.

— Но ложь причинила зло и детям. Деревни не получили денег на колодцы и мосты, ведь так?

Всадник не шелохнулся.

— Кто тебе это сказал?

— Отшельник.

— Старый Матей, — прошептал всадник. — Он ещё жив.

— Вы Радован?

Всадник медленно снял капюшон.

Его лицо было бледным, но не страшным. У него были печальные глаза и шрам на лбу.

— Был.

— Вы невиновны.

— Да.

— Тогда почему вам никто не поверил?

Радован опустил голову.

— Потому что ложь пришла раньше правды. А страх принял её.

— Как я могу вам помочь?

Всадник достал из-под плаща небольшой медальон. Он был из тёмного металла, а на одной стороне был выгравирован сокол.

— Этот медальон принадлежал купцу Бартоломею. Его вторая половина спрятана там, где Грегор спрятал грамоту.

— Где?

— Под кривым буком у старой купеческой дороги. Но это место охраняет тень жадности.

Адам почувствовал холод.

— Тень?

— Не всё, что человек совершает со злым умыслом, умирает вместе с ним. Иногда после него остаётся тьма.

— Мне нужно туда идти?

— Не нужно. Правда никого не принуждает. Она лишь ждёт.

Адам вспомнил дедушку, отшельника, мосты, которые, возможно, так никогда и не были отремонтированы, колодцы, которые, возможно, высохли, и рыцаря, чьё имя долгие годы оставалось опороченным.

— Я пойду, — сказал он.

Радован протянул ему медальон.

— Не иди за гневом. Иди за справедливостью.

Потом прогремел гром, и всадник исчез под дождём.

Утром Адама нашли промокшим возле часовни. Отец принёс его домой, а мать плакала и от страха, и от облегчения. Адам получил горячий чай, сухое одеяло и строгий взгляд обоих родителей.

Но когда он рассказал, что видел, никто не засмеялся.

Дедушка взял медальон в руки. Его руки дрожали.

— Этот знак я уже видел, — сказал он.

— Где?

— На старых купеческих грамотах. Бартоломей был реальным человеком.

Отец молчал. Потом сказал:

— Если ты пойдёшь к кривому буку, то не один.

Но дедушка покачал головой.

— Нет. Это испытание сердца. Взрослые увидят только старое дерево и яму в земле.

Ребёнок, который ещё не совсем разучился слушать, может увидеть больше.

Мать хотела возразить, но дедушка добавил:

— Он не уйдёт далеко. Пойдёт днём. И Дунай пойдёт с ним.

Дунай был большой деревенской собакой, принадлежавшей отцу Адама. У него была густая шерсть, умные глаза и смелость, которую он доказывал тем, что лаял даже на медведей, хотя, к счастью, всегда с безопасного расстояния.

После завтрака Адам отправился в путь.

Лес после грозы пах влажной землёй, грибами и листвой. Птицы пели, словно ничего не произошло. Только медальон в кармане Адама был холодным.

Дорога к кривому буку была долгой. Мальчик прошёл мимо часовни, затем по старой дороге, по которой уже давно не ездили повозки. Местами в земле ещё были видны глубокие колеи. Он представлял себе купцов, лошадей, бочки, сундуки и стражников, которые проходили здесь.

Наконец он увидел бук.

Он был могучим, но искривлённым. Ствол был наклонён, ветви переплетались, словно старые руки, а корни выступали из земли. Под одним из корней была тёмная нора.

Дунай зарычал.

— Спокойно, — прошептал Адам.

Из норы повеяло холодом.

Адам опустился на колени и вытащил из-под корня старый железный ларец. Он был покрыт ржавчиной, но на крышке был тот же знак сокола, что и на медальоне. Когда он приложил медальон к замку, раздался тихий щелчок.

Ларец открылся.

Внутри лежали вторая половина медальона, старинная грамота и небольшой мешочек с тремя серебряными монетами. Грамота пожелтела от времени, но текст ещё можно было прочитать. Адам не смог прочесть всё, но различил имена: Бартоломей, Радован, Грегор.

В этот момент позади него раздался голос:

— Это тебе не принадлежит.

Адам обернулся.

Возле бука стояла тень. Она имела облик высокого человека, но лица её нельзя было разглядеть. Она была похожа на дым, который не хочет рассеиваться.

Дунай залаял.

— Кто ты? — спросил Адам.

— Тот, кто взял то, что ему не принадлежало.

— Грегор?

Тень дрогнула.

— Имя — всего лишь звук. Серебро — это сила.

— Серебро уже ничего не значит. Все давно ушли.

— Нет, — прошептала тень. — Пока грамота молчит, ложь живёт.

Адам крепко сжал ларец.

— Тогда я не дам ей молчать.

Тень приблизилась.

— Ты всего лишь мальчик.

У Адама дрожали колени. Но он вспомнил слова Радована: **Не иди за гневом. Иди за справедливостью.**

— Да, — сказал он. — Я всего лишь мальчик. Но правде не нужен великий человек. Ей нужен тот, кто принесёт её домой.

В этот момент обе половины медальона соединились и засияли. Свет упал на тень. Она зашипела, уменьшилась и рассыпалась в прах, который ветер унёс между буками.

Дунай перестал лаять и лизнул Адаму руку.

Мальчик взял ларец и поспешил обратно в деревню.

Отшельник Матей прочитал грамоту перед старостой, священником и старейшинами деревни. В ней было ясно написано, что Бартоломей доверил Грегору часть серебра, предназначенного для ремонта мостов, колодцев и дорог. Внизу грамоты была более поздняя запись, сделанная дрожащей рукой. В ней Грегор признавал свою вину.

Он писал, что предал купца, обвинил Радована и спрятал доказательство под кривым буклом. Он писал, что серебро не принесло ему покоя, а только страх. Он писал, что во время грозы слышит стук копыт чёрного коня и просит, чтобы однажды кто-нибудь очистил имя невинного рыцаря.

Когда отшельник закончил читать, в комнате воцарилась тишина.

Староста снял шапку.

— Несправедливость была велика.

У старого Ондreja на глазах выступили слёзы.

— И длилась слишком долго.

Голос священника дрожал.

— Имя Радована должно быть очищено перед всей деревней.

На следующий день у часовни собрались люди из всех окрестных поселений. Пришли дровосеки, пастухи, женщины с детьми, старики и купцы, которые как раз проезжали через эти места. Отшельник громко прочитал грамоту. Затем староста объявил:

— Рыцарь Радован не был предателем. Он был защитником дорог и невинным человеком. Пусть с сегодняшнего дня его имя произносится с уважением.

Люди перекрестились.

Некоторым было стыдно, хотя сами они никогда не судили Радована. Им было стыдно за то, что долгие годы они повторяли легенду о страшном всаднике и забыли, что за ней мог стоять человек.

На три серебряные монеты, оставшиеся в ларце, нельзя было сделать многое. Но они стали началом. Каждая семья внесла столько, сколько могла. Кто-то дал древесины, кто-то

камень, кто-то свой труд. Они отремонтировали старый колодец у часовни и мостик через ручей, который долгие годы был опасным.

На каменной плите у колодца высекли слова:

В память о рыцаре Радоване, хранителе дорог, чья правда вернулась домой.

В ту ночь началась гроза.

Люди на этот раз не прятались по домам со страхом. Они стояли у окон и ждали. Адам вместе с дедушкой вышел из избушки. Над Черговым сверкали молнии, а ветер приносил запах дождя.

На горном хребте появился Чёрный всадник.

Но теперь он уже не выглядел грозным.

Его плащ развевался на ветру, словно тёмное крыло, а конь стоял спокойно. Всадник поднял руку в знак приветствия.

Адам чувствовал, что он смотрит именно на него.

Потом рядом со всадником появился свет. Сначала маленький, затем всё ярче и ярче. Словно открылась дорога, которой раньше не было видно. Конь Радована тронулся с места. Всадник ещё раз обернулся к деревне.

И тогда ветер донёс его голос:

— Правда может долго блуждать, но не погибнет, если её ищут с чистым сердцем.

Потом всадник и конь растворились в свете среди молний.

С той ночи его больше никто не видел.

Грозы продолжали приходить. Леса Чергова шумели так же, как и прежде. Дороги по-прежнему оставались местами крутыми и грязными. Но люди уже не боялись говорить о Чёрном всаднике.

Они больше не говорили, что он приносит несчастье.

Они говорили, что он напоминал о правде.

Адам вырос. Он стал мудрым и справедливым человеком. Он никогда не спешил судить людей по слухам. Когда в деревне кто-нибудь обвинял другого, Адам всегда говорил:

— Сначала давайте выслушаем. Потому что ложь часто кричит, а правда обычно бывает тихой.

Дети приходили к нему и просили:

— Расскажи нам историю о Чёрном всаднике!

И Адам рассказывал её.

Не для того, чтобы они боялись.

А чтобы они помнили, что даже в самой мрачной легенде может скрываться человек, которому когда-то причинили зло. Что смелость — это не только сражаться с мечом, но и встать на защиту правды. И что ребёнок с чистым сердцем иногда способен исправить несправедливость, которую взрослые оставили без внимания на долгие годы.

И поэтому в шаришских деревнях у подножия Чергова ещё долго говорили:

— Когда приближается гроза, не бойся сразу темноты. Может быть, приходит не страшилище. Может быть, просто старая правда ищет дорогу домой.

С тех пор, когда над Черговым сверкала молния и ветер проносился через буковые леса, старики уже не дрожали от страха. Они лишь молча смотрели в сторону гор и говорили:

— Пусть будет мир тем, кому когда-то причинили несправедливость. И пусть ложь никогда не остаётся среди нас дольше, чем должна.

Потому что горы помнят шаги.

Леса помнят голоса.

Дороги помнят колёса повозок.

А правда, даже если человек закопает её под корнем старого бука, однажды всё равно выйдет на свет.

Так закончилась история о Чёрном всаднике из Чергова, который был не страшилищем, а рыцарем, ожидавшим справедливости. И так началась новая легенда: не о страхе, а о смелости, не о тьме, а о свете, не о проклятии, а о правде, которая в конце концов всегда находит дорогу обратно к людям.

О трёх колоколах Великого Шариша

Давным-давно, когда над шаришской землёй возвышался могучий замок, а у его подножия раскинулись поля, луга, сады и дома Великого Шариша, жили там люди трудолюбивые, гордые и привыкшие помогать друг другу и в радости, и в беде. По утрам их будили петухи, днём их ждала работа в поле, в мастерских и со скотом, а вечерами в маленьких окнах деревянных домов мерцал тихий свет свечей.

Над всем краем возвышался Шаришский замок. Издалека он казался каменным стражем, охраняющим долины, дороги и деревни. У его подножия проходили старые дороги, по которым купцы перевозили соль, полотно, мёд, железо и вино. Одни направлялись в Прешов, другие — в Бардеёв, третьи — дальше на север, к польским городам. В хорошую погоду дороги были наполнены голосами, скрипом колёс, ржанием лошадей и разговорами на разных наречиях.

В самом сердце Великого Шариша стояла старая церковь. Она была небольшой, но люди её любили. Её стены помнили крещения, свадьбы, молитвы об урожае, просьбы о здоровье больных и тихие прощания с теми, кто ушёл в иной мир. Рядом с церковью стояла деревянная колокольня, и в ней висел один маленький колокол.

У этого колокола был слабый голос.

Когда вокруг было тихо, его было слышно по всей деревне. Но когда дул ветер, шёл дождь или по дороге грохотали повозки, его голос терялся. А когда начиналась гроза, он совсем исчезал в раскатах грома.

Люди часто говорили:

— Если бы у нас был колокол побольше, его было бы слышно даже на дальних полях.

— Если бы у нас был колокол погромче, он предупреждал бы путников об опасности.

— Если бы у нас был колокол, который было бы слышно до самого замка, никто не заблудился бы в тумане.

Но новый колокол стоил дорого. А у людей и без того хватало забот: хлеб, скот, крыши, инструменты и налоги. Поэтому они лишь мечтали о нём.

В то время в Великом Шарише жил мальчик по имени Михал. Ему было одиннадцать лет, и он рос в семье кузнеца. Его отец, мастер Павел, был известен далеко за пределами деревни. Он умел подковать лошадь, починить плуг, выковать петли для ворот и тонкую металлическую отделку для сундука. Каждый, кто входил в его кузницу, сразу ощущал тепло горна, запах угля и слышал звон молота, ударявшего по раскалённому железу.

Михал любил наблюдать за работой отца. Его восхищало, как под руками мастера твёрдый металл превращается в полезную вещь. Но больше всего его интересовал звук.

Когда отец ударял молотом по железу, каждый кусок звучал по-своему. Тонкий прут звенел звонко. Толстая пластина звучала глубоко. Подкова издавала короткий, крепкий звук. Старый меч, который однажды принёс на починку слуга из замка, прозвучал так звонко, что Михал ещё долго слышал этот звук у себя в ушах.

Однажды он спросил:

— Отец, почему каждый металл звучит по-разному?

Мастер Павел улыбнулся.

— Потому что у каждого металла есть своя душа.

— У металла есть душа?

— Не такая, как у человека. Но у него есть память огня, воды и рук, которые к нему прикасались. Когда ты ударяешь по нему, он отвечает тебе тем, чем является.

Михал запомнил эти слова.

Его дедушка, который когда-то служил при замке помощником на конюшне, рассказывал ему о колоколах.

— Колокол — это не просто кусок металла, — часто говорил он. — Колокол — это голос общины. Когда он плачет, плачут люди. Когда он поёт, люди радуются. Когда он предупреждает, он спасает жизни. А когда он молчит, в этом краю чего-то не хватает.

Однажды Михал спросил:

— Дедушка, может ли колокол говорить правду?

Старик погладил свою седую бороду.

— В сказках — да.

— А в жизни?

— И в жизни тоже. Только не словами. Иногда один-единственный звук говорит больше, чем длинная речь.

Однажды осенью в Великом Шарише проходила ярмарка. На площади было шумно. Женщины продавали полотно, масло и сыр. Мужчины предлагали деревянные инструменты, горшки, корзины, ремни и кожи. Дети бегали между лавками, любуясь медовыми пряниками, разноцветными лентами и свирелями. Из замка пришли слуги купить зерно и железные гвозди. Из соседних деревень приехали крестьяне, пастухи и купцы.

Незадолго до полудня на дороге показалась повозка, накрытая тёмным полотном. Её везли две сильные лошади. Рядом с повозкой шёл мужчина в длинном кафтане. У него были поседевшие волосы, пронизательные глаза и речь человека, повидавшего далёкие края.

Когда он въехал на площадь, лошади остановились.

Мужчина снял шляпу и громко сказал:

— Добрые люди, я привёз вещи, какие увидишь не каждый день!

Люди с любопытством собрались вокруг повозки.

Купец медленно откинул полотно.

На повозке лежали три колокола.

Они были не такими большими, как башни замка, но были прекрасны. Первый был светлым, словно хранил в себе солнечный луч. Второй был темнее, крепкий и величественный. Третий имел тёплый бронзовый оттенок, а его край украшали тонкие узоры, напоминавшие колосья, волны и звёзды.

Люди замолчали.

Ещё никто в Великом Шарише не видел сразу трёх таких колоколов.

Староста подошёл ближе.

— Откуда вы их везёте?

Купец поклонился.

— Издалека. Но их путь закончится не там, где их купит самый богатый. Он закончится там, где они будут нужны людям.

— Сколько они стоят? — спросил один из хозяев.

Купец улыбнулся.

— Больше, чем обычный колокол, но меньше, чем человеческая гордыня.

Люди засмеялись, хотя не все поняли, что он имел в виду.

Михал протиснулся вперёд. Он смотрел на колокола как заворожённый.

Купец заметил его.

— Ты умеешь слушать металл, мальчик?

Михал кивнул.

— Можно мне к ним прикоснуться?

— Если прикоснёшься с уважением.

Михал положил пальцы на первый колокол. Он был холодным, но казалось, будто внутри него что-то едва заметно вибрирует. Потом он прикоснулся ко второму. Тот показался ему тяжёлым и сильным. Третий был особенным. Когда он положил на него руку, то почувствовал спокойствие.

— У них есть имена? — спросил он.

Купец стал серьёзным.

— Есть.

Он указал на первый колокол.

— Этот называется Колокол Правды.

Потом на второй.

— Этот — Колокол Отваги.

И наконец на третий.

— А этот — Колокол Надежды.

На площади стало ещё тише.

— Почему такие имена? — спросил староста.

— Потому что каждый колокол несёт тот голос, в котором люди нуждаются больше всего. Правду — когда начинают лгать. Отвагу — когда начинают уступать страху. Надежду — когда сердца наполняются печалью.

Некоторые люди перекрестились. Другие подумали, что купец просто красиво говорит, чтобы лучше продать свой товар. Но Михал чувствовал, что в этих колоколах есть что-то необыкновенное.

Весть о трёх колоколах дошла даже до замка. После полудня в селение приехал управляющий замком по имени Доброслав. Он был строгим, но справедливым человеком. Осмотрев колокола, он позвал старосту, священника, мастера Павла и самых уважаемых хозяев.

— Великому Шаришу нужен более сильный голос, — сказал он. — Замок может оплатить часть стоимости. Остальное даст община — каждый по своим возможностям.

Люди начали перешёптываться.

Одна вдова положила на стол две медные монеты.

— Больше у меня нет, но этот колокол будет созывать и моих детей.

Пастух принёс овечий сыр, который собирался продать на рынке.

— Пусть вырученные деньги пойдут на колокола.

Кузнец Павел пообещал бесплатно изготовить крепления для колокольной.

Плотники предложили свою работу.

Хозяева — древесину.

Женщины — полотно на продажу.

Так случилось, что три колокола приобрёл не один богач, а вся община.

После нескольких недель работы старая колокольная была укреплена и надстроена. Каменщики из замка помогли сделать каменное основание. Кузнецы выковали новые подвесы. Плотники подготовили прочные балки. Когда колокола наконец подняли на колокольную, посмотреть на это пришли люди со всей округи.

Первый звон должен был прозвучать в воскресенье утром.

Ещё до восхода солнца площадь была полна людей. Дети стояли впереди, старики сидели на скамьях, женщины были в праздничных платках, а мужчины — в чистых рубашках. Над замком уже разливался золотой свет.

Священник поднял руку.

Сначала зазвучал Колокол Правды.

Его голос был чистым, как родниковая вода. Он не был самым громким, но проникал каждому прямо в сердце. Людям казалось, будто внутри них на мгновение осветилось место, где уже ничего нельзя скрыть.

Потом зазвучал Колокол Отваги.

Его голос был ниже и сильнее. Его звук ударился о замковый холм, пронёсся над полями и вернулся обратно эхом. Дети выпрямились, мужчины подняли головы, а женщины крепче сжали руки своих детей.

Наконец зазвучал Колокол Надежды.

Его голос был мягким, тёплым и глубоким. Словно после долгой зимы появилось первое весеннее солнце. У многих людей на глазах выступили слёзы, хотя они сами не понимали почему.

С того дня в Великом Шарише начали происходить удивительные вещи.

Не сразу большие чудеса. Не такие, чтобы камни летали или вода превращалась в вино. Это были более тихие чудеса, которые способен заметить только внимательный человек.

Однажды на рынке поссорились два купца. Один утверждал, что другой не заплатил ему за бочку мёда. Другой уверял, что заплатил. Ссора становилась всё сильнее. И именно в этот момент зазвучал Колокол Правды. Человек, который лгал, вдруг побледнел, достал из кармана монеты и сказал:

— Я не заплатил. Мне стыдно.

В другой раз у ручья перевернулась повозка с дровами, и под колесом оказался зажат молодой помощник. Люди боялись, что повозка опрокинется ещё сильнее. В этот момент зазвучал Колокол Отваги. Кузнец Павел, двое хозяев и Михал бросились на помощь. Вместе они приподняли колесо и спасли юношу.

А однажды, когда в деревне умер старый мельник, его жена много дней не выходила из дома. Никто не мог её утешить. В воскресенье зазвучал Колокол Надежды. Вдова открыла окно, долго слушала его звон, а потом впервые за много дней зажгла свечу не только за мельника, но и за новый день.

Люди полюбили колокола.

Но, как хорошие вещи притягивают благодарность, так иногда они притягивают и зависть.

Недалеко от Великого Шариша жил богатый землевладелец Бальтазар. Он не был хозяином замка, но у него было много полей, конюшен, слуг и денег. В его доме было больше серебра, чем улыбок. На стенах висели дорогие ковры, в сундуках лежали монеты, в погребе стояли бочки с вином, но Бальтазар никогда не был доволен.

Когда он услышал о трёх колоколах, сначала он рассмеялся.

— «Волшебные колокола? Глупости для деревенских.»

Но потом он узнал, что люди из далёких мест приходят в Великий Шариш, чтобы услышать их звон. Купцы стали чаще останавливаться в селении. Ярмарка стала богаче. Люди стали больше доверять друг другу. Даже управляющий замком публично похвалил общину.

И Бальтазар почувствовал зависть.

— Почему такая драгоценность должна принадлежать простой общине? — ворчал он. — Колокола должны быть у меня во дворе. Я сумел бы лучше их охранять.

На самом деле он не хотел их охранять.

Он хотел ими владеть.

Одной тёмной ночью, когда луну закрыли тучи, а ветер свистел между крышами, Бальтазар послал трёх воров в Великий Шариш. Они знали дорогу к колокольне. У них были верёвки, крюки, а за деревней их ждали кони.

Они забрались на колокольню.

Сначала они попытались снять Колокол Правды. Едва они прикоснулись к нему, один из воров прошептал:

— Это неправильно.

Второй толкнул его локтем.

— Молчи.

Потом они сняли Колокол Отваги. Когда они снимали его, у них дрожали руки, потому что ветер словно усилился.

Когда они прикоснулись к Колоколу Надежды, самый молодой вор расплакался.

— Моя мать приходила слушать такой колокол, когда ей было грустно.

— Если ты не перестанешь, Бальтазар нас накажет, — прорычал старший.

И они погрузили колокола на повозку и отвезли их во двор Бальтазара.

Утром в Великом Шарише стояла тишина.

Не обычная тишина.

Тяжёлая тишина.

Священник вышел к колокольне и побледнел. Вскоре уже вся община знала, что колокола исчезли. Женщины плакали, мужчины сердились, дети не понимали, почему колокольня молчит.

Михал стоял под пустой колокольней и чувствовал, будто кто-то вырвал сердце всей деревни.

— Мы должны найти их, — сказал он.

Староста кивнул.

— Мы отправим людей на поиски.

Они искали целый день. Нашли следы повозки, но на каменистой дороге они исчезли. Одни говорили, что колокола забрали разбойники. Другие — что их украли чужеземцы. Но Михал заметил то, что ускользнуло от остальных.

На земле возле колокольни лежал маленький кусочек чёрного воска. Такой использовали для запечатывания писем в доме Бальтазара.

Он показал его отцу.

— Думаешь, это был он? — спросил мастер Павел.

— Не знаю. Но мы должны убедиться.

Отец не хотел, чтобы Михал вмешивался в опасное дело. Но дедушка сказал:

— Мальчик слышит металл и правду лучше, чем мы. Пусть идёт, но не один.

И Михал вместе с отцом и старым псом Брезаном отправились по следам к поместью Бальтазара. Они пошли не по главной дороге, а по старой лесной тропе. Когда они приблизились к усадьбе, то спрятались за густыми кустами.

И тогда они слышали их.

Не ушами, а сердцем.

Из запертого амбара доносился слабый звон.

Это был Колокол Надежды.

Он не звонил в полную силу. Лишь тихо звучал, словно плакал.

Михал крепко сжал руку отца.

— Они там.

Они вернулись в деревню и сообщили об этом старосте. Люди сразу захотели выступить, но дедушка остановил их.

— Если вы пойдёте с гневом, колокола вам не ответят. Вы должны идти с правдой, отвагой и надеждой. Иначе вы ничем не будете отличаться от того, кто их украл.

На следующее утро перед усадьбой Бальтазара собрались жители Великого Шариша. Они пришли не с мечами и не с топорами. Они пришли с открытыми руками. Староста нёс знак общины. Священник — крест. Кузнец Павел — молот, но не как оружие, а как символ честного труда. Михал нёс кусочек чёрного воска.

Бальтазар вышел на крыльцо.

— Что вам здесь нужно?

Староста сказал:

— Мы пришли за тремя колоколами, которые принадлежат Великому Шаришу.

Бальтазар рассмеялся.

— У меня нет ваших колоколов.

В этот момент из амбара донёсся слабый звон.

Ясный.

Чистый.

Это был Колокол Правды.

Бальтазар побледнел, но сразу же взял себя в руки.

— Это был ветер.

Михал вышел вперёд.

— Ветер не звучит, как правда.

Люди двинулись к амбару. Слуги попытались их остановить, но в этот момент прозвучал второй звон. Глубокий и сильный.

Это был Колокол Отваги.

Слуги, которые долгие годы боялись Бальтазара, отступили. Один из них сказал:

— Они там. Хозяин приказал привезти их ночью.

Бальтазар закричал:

— Молчи!

Но слуга уже не хотел молчать.

— Нет. Хватит страха.

Двери амбара открыли.

Внутри стояли три колокола.

Они были накрыты полотнищами, но их металл всё равно сиял в слабом свете. Люди замолчали. Михал подошёл к Колоколу Надежды и положил на него руку.

— Мы пришли за вами, — прошептал он.

И в этот момент все три колокола зазвонили сами собой.

Не так громко, чтобы оглушить.

Но так, что их голос наполнил весь двор.

Колокол Правды заставил Бальтазара опуститься на скамью. Перед его глазами предстали все те моменты, когда он лгал, брал больше, чем ему принадлежало, и завидовал чужой радости.

Колокол Отваги пробудил сердца слуг. Впервые они выпрямились и перестали бояться говорить о том, что пережили.

Колокол Надежды коснулся и самого Бальтазара. Он напомнил ему детство, когда он ещё не был жадным, когда умел радоваться простому хлебу, дождю после засухи и улыбке своей матери.

Бальтазар закрыл лицо руками.

— Я хотел владеть ими, — тихо сказал он. — Но не понимал, что голос, принадлежащий всем, нельзя запереть.

Никто не аплодировал ему. Никто не унижал его. Люди просто ждали.

Наконец он поднялся.

— Верните их.

Колокола погрузили на повозку. Бальтазар приказал своим лошадям отвезти их обратно, а сам пошёл рядом с повозкой пешком. Дорога была долгой, и каждый его шаг был тяжёлым. Не потому, что путь был крутым, а потому, что стыд тяжелее камня.

Когда колокола вернулись в Великий Шариш, люди снова поднимали их на колокольню. Но на этот раз в работе помогал и Бальтазар. Он привёз древесину, оплатил новые канаты и собственными руками держал балку, пока кузнец Павел её закреплял.

Когда всё было готово, староста спросил:

— Должны ли мы его наказать?

Люди молчали.

Михал посмотрел на три колокола, потом на Бальтазара.

— Пусть исправит то, что испортил. Пусть помогает тем, у кого прежде отнимал. И пусть каждый год приносит дар на содержание колокольни.

Дедушка кивнул.

— Это наказание, которое может изменить человека.

Бальтазар согласился.

С того дня в нём что-то изменилось. Он не стал сразу добрым, как святой, — даже в сказке это было бы неправдой. Но каждую неделю он делал что-то, чего раньше никогда не делал. Однажды он прислал дрова вдове. В другой раз оплатил ремонт мостика. Потом купил новые сапоги ученику. И всякий раз, когда слышал Колокол Правды, склонял голову.

Три колокола звонили над Великим Шаришем ещё многие годы.

Когда нужно было рассудить спор, звучал Колокол Правды.

Когда приходило наводнение, пожар или опасность на дорогах, звучал Колокол Отваги.

Когда приходили зима, болезнь или печаль, звучал Колокол Надежды.

Михал вырос и стал кузнецом, как его отец. Но люди говорили, что он слышит не только железо. Он слышит и то, что скрывается в человеческом голосе. Когда кто-нибудь лгал, Михал не осуждал его сразу, а говорил:

— Лучше правда сегодня, чем стыд завтра.

Когда кто-нибудь боялся, он говорил:

— Смелость — это не отсутствие страха. Смелость — это сделать правильный поступок, несмотря на страх.

А когда кто-нибудь терял надежду, он приводил его под колокольню и позволял послушать третий колокол.

Спустя годы одна маленькая девочка спросила Михала:

— Мастер, эти колокола действительно волшебные?

Михал улыбнулся.

— Это зависит от того, что ты называешь волшебством.

— Ну... умеют ли они творить чудеса?

Михал посмотрел на колокольню.

— Если человек после их звона говорит правду — это чудо. Если находит в себе смелость помочь другому — это чудо. Если после печали снова улыбается — это тоже чудо.

Девочка задумалась.

— Тогда они и правда волшебные.

— Да, — сказал Михал. — Но их волшебство живёт не в металле. Оно живёт в сердцах тех, кто их слушает.

И, говорят, ещё долго, очень долго, когда вечером над Великим Шаришем веял спокойный ветер, а замковый холм окрашивался в золотой цвет, можно было услышать три разных звона.

Первый был чистым, как правда.

Второй — крепким, как отвага.

Третий — мягким, как надежда.

Старики тогда говорили детям:

— Слушайте внимательно. Это не просто колокола. Это голос нашего края.

И дети учились тому, что община сильна не количеством золота, а тем, умеют ли люди доверять друг другу. Что у замка могут быть высокие стены, но без правды, отваги и надежды он никого не защитит. И что то, что принадлежит всем, не должен один человек запира́ть в своём амбаре.

Так закончилась сказка о трёх колоколах Великого Шариша, которые спасали край не мечом и не войском, а своим голосом. И этот голос напоминал каждому, кто его слышал, что самое большое богатство людей скрыто не в сундуках, а в сердцах, которые не боятся правды, в руках, которые помогают другим, и в надежде, которая светит даже тогда, когда над замком сгущаются тёмные тучи.

Сокровище под Каменными воротами

Давным-давно, когда по шаришским дорогам ещё медленно двигались купеческие повозки, когда у подножия Шаришского замка раскинулись деревни с деревянными избами, а в лесах между холмами можно было заблудиться так же легко, как в чужом сне, люди рассказывали легенду о Каменных воротах.

Каменные ворота стояли глубоко в лесу, неподалёку от старых дорог, ведущих к замку. Это были не ворота, построенные человеческими руками. Они не были ни из дерева, ни из железа. Они были из камня. Два высоких каменных столба поднимались из земли, а между ними возвышалась природная арка, словно сама природа создала вход в таинственное царство.

Днём Каменные ворота выглядели прекрасно. Солнечные лучи играли на камне, мох светился зеленью, а птицы вили вокруг свои гнёзда. Но вечером, когда лес погружался в тень, они выглядели совсем иначе. Арка темнела, скалы казались выше, а между ними открывался такой тёмный проход, что дети верили: за ним может скрываться другой мир.

Старики говорили, что под Каменными воротами спрятано сокровище.

Не какое-нибудь сокровище.

Говорили, что там покоятся богатства старых шаришских господ, золото купцов, серебро из сундуков, драгоценные камни из перстней и кубки, из которых когда-то пили гости замка. Одни утверждали, что его спрятали воины во время войны. Другие — что разбойники, нападавшие на купеческие обозы. Третьи говорили, что сокровище принадлежит самому замку и ждёт того, кто окажется достаточно смелым, чтобы его найти.

Многие искали его.

Приходили сильные мужчины с кирками.

Приходили жадные купцы с картами.

Приходили и те, кто делал вид, будто ищет истину, но в их сердцах звенели лишь монеты.

Одни возвращались с пустыми руками.

Другие рассказывали, что ночью слышали из-под скал голоса.

А некоторые настолько испугались собственной жадности, что больше никогда не входили в лес.

В одной деревушке у подножия замка жил мальчик по имени Янко. Ему было двенадцать лет. У него были тёмные волосы, живые глаза и руки, всегда немного пахнувшие деревом, потому что его отец был колёсным мастером. Он делал колёса для повозок, чинил бочки, мастерил рукоятки для инструментов и умел создавать из дерева такие прочные вещи, что они служили долгие годы.

Мать Янко заботилась о доме, огороде, курах и небольшом саду. Она была мудрой и спокойной. Она знала, когда нужно сделать ребёнку замечание, а когда оставить ему возможность самому всё понять. Дедушка, живший вместе с ними, уже поседел и ходил медленно, но его память была богаче любого дворянского сундука. Он знал истории о замке, о старых дорогах, о наводнениях, засухах, о необычных людях, когда-то странствовавших по этим местам, и о Каменных воротах.

Янко очень любил рассказы дедушки.

Но больше всего его притягивала именно история о сокровище.

Не потому, что он был жадным. Нет. Если у него был пирог, он делился им с сестрой. Если находил в лесу орехи, приносил их домой. Если у соседского мальчика ломалась игрушка, он старался её починить. Но сокровище под Каменными воротами пробуждало в нём любопытство. Он хотел узнать, существует ли оно на самом деле. Хотел понять, почему его никто не нашёл. И больше всего хотел узнать, почему о нём рассказывают уже столько лет, если никто никогда его не видел.

Однажды осенним вечером вся семья сидела у печи. За окном дул ветер, срывая с деревьев последние листья. Отец чинил небольшой обруч для бочки, мать пришивала заплату к рубашке, а дедушка размешивал в кружке травяной отвар.

Янко спросил:

— Дедушка, сокровище под Каменными воротами действительно существует?

Дедушка не улыбнулся так, как улыбался, когда считал вопрос детским.

Он лишь посмотрел в огонь.

— Да.

Янко выпрямился.

— Ты это знаешь?

— Знаю.

— Ты его видел?

Дедушка покачал головой.

— Не всякое сокровище нужно увидеть глазами, чтобы знать, что оно существует.

— Это похоже на такой ответ, которым взрослые уходят от правды.

Мать подняла бровь, но дедушка рассмеялся.

— Острый у тебя язык, мальчик. Только смотри, чтобы он был острым ради правды, а не ради гордыни.

Янко покраснел.

— Прости.

— Не за что извиняться. Спрашивать — это хорошо. Только нужно уметь выслушать и тот ответ, который не совпадает с твоими ожиданиями.

— Так что же это за сокровище?

Дедушка поставил кружку на лавку.

— Говорят, что когда-то давно в Шарише жил мудрый управляющий. Он служил не только господам, но и всему краю. Он видел, что золото делает людей гордыми, а мудрость может их спасти. Когда настали тревожные времена, он собрал самое ценное, что было у людей, и спрятал это под Каменными воротами.

— Золото?

— Возможно.

— Серебро?

— Возможно.

— Драгоценные камни?

— Возможно.

— Дедушка!

Дедушка улыбнулся.

— Я говорю «возможно», потому что каждый человек представляет себе сокровище по-своему. Жадный видит золото. Голодный видит хлеб. Больной видит лекарство. Одинокий видит друга. А мудрый человек видит знание.

Янко задумался.

— А что бы увидел я?

— Узнаешь тогда, когда перестанешь думать о том, что хочешь найти, и начнёшь спрашивать себя, почему это было спрятано.

Эти слова остались у Янко в памяти.

Через несколько дней в деревню пришёл незнакомый старик. На нём был длинный серый плащ, в руке — посох из орешника, а через плечо висела сумка. Он не выглядел ни нищим, ни купцом. Это был человек, которого каждый замечает, хотя он не делает ничего особенного. Он шёл медленно, но уверенно, а его глаза были ясными, словно видели больше, чем обычные человеческие глаза.

Староста пригласил его в свой дом отдохнуть. Вечером у него собрались жители деревни, потому что чужеземцы всегда приносили новости и рассказы. Старик рассказывал о городках с высокими башнями, о горных перевалах, где ветер наваливается на человека, словно живое существо, и о деревнях, переживших голод благодаря тому, что люди помогали друг другу.

Наконец один молодой хозяин спросил:

— А вы слышали о сокровище под Каменными воротами?

Старик замолчал.

В комнате воцарилась тишина.

— Слышал, — ответил он.

— Оно действительно там?

— Да.

— Вы знаете, как к нему попасть?

— Знаю.

Хозяин наклонился ближе.

— Расскажите нам?

Старик посмотрел на него.

— Нет.

Мужчина обиделся.

— Почему нет?

— Потому что ты спросил слишком поспешно.

Люди начали перешёптываться.

Янко сидел в углу и слушал. Он ничего не спрашивал. Только внимательно наблюдал за стариком.

Через некоторое время старик повернулся прямо к нему.

— А ты, мальчик? Ты не спросишь?

Янко замялся.

— Хотел бы.

— Тогда почему молчишь?

— Потому что не знаю, имею ли право спрашивать о сокровище, если не знаю, почему оно было спрятано.

Старик улыбнулся.

— Это первый хороший вопрос за сегодняшний вечер.

Когда люди разошлись, старик вышел из дома. Янко стоял у забора и смотрел на звёзды. Незнакомец подошёл к нему.

— Хочешь найти Каменные ворота?

— Я знаю, где они.

— Нет. Ты знаешь, где стоят скалы. Но не знаешь, где начинается их тайна.

Потом он протянул ему маленький медный кулон в виде ключа. На одной стороне был выгравирован дерево, на другой — звезда.

— Возьми его.

— Почему мне?

— Потому что ты не спросил, сколько там золота.

— А там есть золото?

Старик рассмеялся.

— Видишь? Ты всё-таки ещё ребёнок.

Янко смутился.

— Простите.

— Ничего страшного. Любопытство — это хорошо, если им не руководит жадность.

— Что мне делать с этим ключом?

— Иди к Каменным воротам, но не ночью. Сокровище, которое ищут во тьме, часто приводит человека к тьме и в его собственном сердце. Иди утром, когда будет светло. Возьми с собой еду, воду и запомни три вопроса.

— Какие?

— Что ты ищешь? Для кого ты это ищешь? Что ты сделаешь, если найдёшь?

Прежде чем Янко успел задать ещё вопросы, старик ушёл.

На следующий день Янко отправился к Каменным воротам. Мать положила ему с собой хлеб, сыр, яблоко и маленький пирог. Отец дал ему крепкий нож — не для боя, а для дороги. Дедушка положил руку ему на плечо.

— Если найдёшь золото, не позволяй ему найти тебя.

— Что это значит?

— Поймёшь, когда придёт время.

Сначала дорога шла вдоль полей. Крестьяне пахали землю, женщины собирали последние овощи, а дети гнали гусей к ручью. Потом тропинка свернула к лесу. Янко прошёл мимо старого родника, возле которого росли папоротники, и начал подниматься среди буков.

Лес был спокойным. Птицы щебетали, под ногами шуршали листья, а воздух пах грибами и сырой землёй. И всё же Янко казалось, что кто-то за ним наблюдает. Не враждебно. Скорее испытующе, словно лес хотел понять, достоин ли мальчик своей цели.

Наконец он дошёл до Каменных ворот.

Они стояли точно такими, какими он их помнил, и всё же казались другими. Два каменных столба возвышались высоко над ним. Арка между ними напоминала застывшую волну. На камне росли мох и маленькие цветы. Когда Янко прошёл под аркой, он почувствовал странную дрожь.

Он достал медный ключ.

На одной из скал он заметил высеченный знак дерева.

Он приложил к нему кулон.

Ничего.

Тогда он повернул его стороной со звездой.

В этот момент раздался тихий щелчок.

Земля под воротами дрогнула, и между двумя корнями старого бука открылась узкая щель. Она была небольшой. Взрослому человеку было бы трудно через неё протиснуться, но Янко смог пройти.

Он оказался в проходе, уходящем под землю.

Там не было совсем темно. В стенах поблёскивали маленькие камешки, излучавшие слабый свет. Проход пах камнем, водой и чем-то очень древним, чему Янко не мог найти названия.

Он шёл осторожно.

Через некоторое время проход расширился и превратился в большую пещеру. Посреди неё стоял каменный стол, а на нём — сундук. Он был великолепен. Железная оковка, бронзовые углы, а на крышке — высеченный знак звезды.

Сердце Янко забилося быстрее.

— Значит, всё-таки...

Он подошёл к сундуку.

В этот момент раздался голос:

— Что ты ищешь?

Янко обернулся.

Никого.

— Сокровище, — ответил он.

Сундук исчез.

Просто так.

Как дым.

Янко отступил назад.

Голос прозвучал снова:

— Что ты ищешь?

— А что бы увидел я?

— Узнаешь тогда, когда перестанешь думать о том, что хочешь найти, и начнёшь спрашивать себя, почему оно было спрятано.

Эти слова остались у Янко в голове.

Через несколько дней в деревню пришёл незнакомый старик. На нём был длинный серый плащ, посох из орешника и сумка, перекинута через плечо. Он не выглядел ни нищим, ни купцом. Это был человек, которого каждый замечает, хотя он не делает ничего особенного. Он шёл медленно, но уверенно, а его глаза были ясными, словно видели больше, чем обычные человеческие глаза.

Староста пригласил его к себе домой отдохнуть. Вечером у него собрались жители деревни, потому что чужие люди приносили новости и рассказы. Старик рассказывал о городках с высокими башнями, о горных перевалах, где ветер налетал на человека, словно живое существо, и о деревнях, переживших голод потому, что люди помогали друг другу.

Наконец один молодой хозяин спросил:

— А вы слышали о сокровище под Каменными воротами?

Старик замолчал.

В доме воцарилась тишина.

— Слышал, — сказал он.

— Оно там?

— Там.

— Вы знаете, как к нему попасть?

— Знаю.

Хозяин наклонился ближе.

— Расскажите нам?

Старик посмотрел на него.

— Нет.

Мужчина обиделся.

— Почему нет?

— Потому что ты спросил слишком поспешно.

Люди начали перешёптываться.

Янко сидел в углу и слушал. Он не спрашивал. Только наблюдал за стариком.

Через некоторое время старик повернулся прямо к нему.

— А ты, мальчик? Ты не спросишь?

Янко замялся.

— Хотел бы.

— Тогда почему молчишь?

— Потому что не знаю, имею ли я право спрашивать о сокровище, если не знаю, почему оно было спрятано.

Старик улыбнулся.

— Это первый хороший вопрос за сегодняшний вечер.

Когда люди разошлись, старик вышел из дома. Янко стоял у забора и смотрел на звёзды. Незнакомец подошёл к нему.

— Хочешь найти Каменные ворота?

— Я знаю, где они.

— Нет. Ты знаешь, где стоят скалы. Но не знаешь, где начинается их тайна.

Потом он протянул ему маленький медный кулон в форме ключа. На одной стороне было выгравировано дерево, на другой — звезда.

— Возьми его.

— Почему мне?

— Потому что ты не спросил, сколько там золота.

— А там есть золото?

Старик рассмеялся.

— Видишь? Всё-таки ты ещё ребёнок.

Янко смутился.

— Простите.

— Ничего страшного. Любопытство — это хорошо, если им не руководит жадность.

— Что мне делать с этим ключом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.